

Алексей Шкваров, кандидат исторических наук,
докторант, исследователь

Университет Хельсинки, Финляндия

alexey.shkvarov@helsinki.fi

Церковные источники по истории русских гарнизонов в Великом княжестве Финляндском (1809–1917 гг.)

Великое княжество Финляндское, смешанные браки, метрические книги, гендерная проблема

Grand Duchy of Finland, mixed marriages, parish registers, gender

Статья рассматривает проблематику взаимоотношений женского лютеранского населения Финляндии и русских солдат после образования Великого княжества Финляндского, используя в качестве источника метрические книги православных церквей. Автором особо рассматриваются религиозные, гендерные и психологические аспекты смешанных браков между свободными финскими («финляндскими») женщинами и русскими солдатами, основанные на различиях в вере, социальных статусах, а также предшествующих непрерывных войнах между Швецией и Россией, где русская армия представлялась оккупантом.

The article considers the issues of the relationships between the women of Finland and the Russian soldiers after the formation of the Grand Duchy of Finland, using as a source the parish registers of the Orthodox churches. The authors specially addresses the religious, psychological and gender aspects of mixed marriages between the free Finnish (“Finlandish”) women and the Russian soldiers based on the differences in faith, unequal social status and the previous continuous wars between Sweden and Russia, where the Russian army was represented as an occupier.

Выступая на сейме в Борго (Порвоо) в марте 1809 г., император Александр I обещал Финляндии сохранение религиозных, полити-

ческих и гражданских законов «шведского» периода, что было также подтверждено Фридрихсгамским мирным договором того же года. Относительно православной церкви и ее положения в Финляндии ничего сказано не было. Это имело ряд нежелательных последствий.

Об административном церковном управлении говорилось в указе от 11 декабря 1811 г. по поводу присоединения Выборгской губернии ко вновь завоеванной Финляндии [1, с. 247].

Согласно этому указу, духовное ведомство церквей и монастырей православного исповедования оставалось на прежнем положении, под главным управлением Св. Синода и настоящего их епархиального начальства, присоединяя к этому ведомству все православные церкви в Финляндии. Вместе с тем, существовавшее с 1741–1743 гг. Выборгское духовное правление, непосредственно ведавшее делами Православной церкви в Финляндии, получило значение Финляндского и явилось посредником не только между православными церквями края и епархией, но и между означенными церквями и финляндским гражданским начальством. Для более эффективной и полноценной работы с православными церквями края в 1841 г. было создано Выборгское викариатство с епископом, подчиненным митрополиту Санкт-Петербургскому и Финляндскому.

Основные законы княжества признавали за лютеранской церковью господствующее положение среди всех конфессий в финляндском обществе, тем самым оставляя за Православной церковью место «терпимой», т. е. одной из прочих религиозных меньшинств [Там же, с. 266; 2, с. 30].

По закону 1772 г., определявшему форму правления Финляндией, права православных организаций и их членов были существенно ущемлены. Так, закон ограничивал права собственности православных организаций и участие их в общественной жизни, создавая препятствия в культурной практике, запрещал православным занимать должности в государственной и местной администрации, иметь собственные школы, проводить миссионерскую работу и публичные церемонии, в том числе и крестные ходы. Существование монастырей на территории Финляндии было лишено всяких правовых оснований. Да и конфессиональный статус Александра I сам по себе вызывал нарушение основных законов Финляндии в пункте, касавшемся вероисповедания правителя княжества. Шведский закон 1781 г. требовал от него принадлежности к лютеранской церкви, а император являлся представителем Православной церкви, к тому же ущемленной в правах. Это обстоятельство обязывало его принять меры к защите православия.

В обход финляндской законодательной практики Александр I, а затем и его преемники издавали указы, направленные на расширение прав православия в княжестве. Так как финляндские законы запрещали существование на территории Финляндии любых монастырей, а тем более владение ими земельной собственности, то финляндское правительство в первые годы вело линию на их ликвидацию, и прежде всего Валаамского и Коневецкого. Лишь личное покровительство императора спасло монастыри от закрытия. Валаамскому и Коневецкому монастырям на всем протяжении периода автономии покровительствовали императоры, члены царской фамилии и влиятельные личности. Александр I возвел Валаамский монастырь в первый класс с соответствующим повышением штатных сумм. По личной инициативе основал для монастыря подворье в С.-Петербурге и построил там церковь, которую сам неоднократно посещал. Им же еще в 1812 г. были сняты таможенные барьеры на пути судов Валаамского и Коневецкого монастырей через новую границу с Финляндией.

Одним из важных вопросов было определение даты празднования важнейших церковных дат, которые и в России, и в Финляндии имели статус государственных и соответственно нерабочих дней. Еще при шведском правлении было установлено, чтобы православные священники отправляли церковную службу по уставу своей церкви в праздничные лютеранские дни, а прихожане обязаны были в таких случаях собираться в церковь, как бы в праздники, под угрозой штрафа за ослушание [3, с. 348]. Император Александр I в 1816 г. указал, чтобы православные жители отправляли свои праздники по уставу своей церкви и не подлежали бы ответственности по шведским законам за уклонение от чествования лютеранских праздников.

Финляндская администрация не освобождала православных христиан Финляндии от платежей местному лютеранскому духовенству пасторских повинностей и от участия в постройке лютеранских церквей и пасторских дворов. И лишь в 1823 г. указом этот вопрос разрешен в пользу православных.

В царствование Александра I число православных храмов в Финляндии не увеличилось, но были восстановлены некоторые из них, разрушенные или пришедшие в ветхость. Увеличение числа храмов начинается с царствования императора Николая I и при императоре Александре II.

В 1817 г. был обновлен Выборгский собор из средств Комиссии духовных училищ. На обновление Собора было затрачено чуть менее 45 000 руб. В 1866 г. храм был расширен, и в нем было устроено отопление [ЛОГАВ. Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор). Оп. 1. Д. 3 (Ведомости 1877 г.). Л. 1].

В 1831 г. была обновлена также Кидельская церковь Архангела Михаила. Некоторые приходы, вместо прежнего изветшавшего храма, украсились новыми церквями — в Салме в 1825 г., в Тиврале в 1832 г., в Фридрихсгаме в 1836 г., в Шуэзеро в 1838 г., в Шуйстамо в 1844 г., в Кексгольме в 1847 г. Некоторые церкви, прежде бывшие полковыми, обращены в приходские, так как уменьшилось число войск, пребывающих в Финляндии. Так было сделано в Нейшлоте. Возводились и новые храмы. Так, в Гельсингфорсе в 1826 г. построена Троицкая церковь, а в 1868 г. — Успенский собор, в 1811 г. построена церковь в Линдулове, после перенесенная в Райвоолово, в 1828 г. в Куопио построена часовня, позднее обращенная в церковь, в 1845 г. — в Або, в 1853 г. — в Новой Кирке, в 1866 г. — в Николайштадте, в 1865 г. — в Палкеллах, в 1868 г. — в Выборгском форштадте.

Об устройстве и обновлении финляндских православных храмов заботилось русское правительство, представителями которого здесь были финляндские генерал-губернаторы, жертвователями являлись частные лица.

Из генерал-губернаторов особенно заботились об устройстве храмов А. А. Закревский, Ф. Ф. Берг и Н. В. Адлерберг. При содействии Закревского построены Троицкая церковь в Гельсингфорсе, церковь в Або и Петропавловская церковь в Фридрихсгаме. Берг и Адлерберг испросили средства на построение нового православного собора в Гельсингфорсе. Бергу принадлежит почин сбора денег на новый храм в Сердоболе. После генерал-губернаторов стоит упомянуть землевладельцев или богатых купцов, которые, заботясь о нравственном благе крестьян, живущих на их землях или работающих на их заводах, испрашивали разрешение на постройку церкви, сами жертвовали и собирали деньги на постройку, а потом улучшали быт причта и обеспечивали содержание церкви. Так, баронесса Скотт перестроила прежнюю церковь в Тиврале, графиня Орлова-Чесменская — в Салме, граф Салтыков — в Райвоолове, помещик Богаевский — в Красном Селе, иркутский купец Огородников — в Новой Кирке, купец Лисицын отстроил собор в Кексгольме, купец Русанов, по предложению высокопреосвященнейшего митрополита Исидора, — в Палкеллах, купцы братья Елисеевы — в Сердоболе. Об обновлении и украшении храмов в карельских приходах много заботились купцы Громы. Наконец, самими прихожанами построены храмы в Корбосельгя, Киделе и Шуэзеро.

Таким образом, в Финляндии работало до 22 православных церквей, достаточно благолепных и снабженных всею необходимою утварью [4, с. 472–476].

Указ о штатах православного духовенства и об управлении церквями и приходами Греко-российского исповедания в Финляндии был

издан 2 августа 1823 г. [3, с. 319]. По этому указу православное духовенство в городах должно было получать одно определённое штатами денежное жалование из «статных» доходов Финляндии.

Оклады этого жалования были незначительны и недостаточны. Так, например, в соборном храме г. Выборга по штату полагалось настоятелю 1235 руб. в год, священникам — по 385 руб., диакону — 300 руб., причетникам — по 214 руб., просфорнице — 64 руб. ассигнациями. Данная сумма отпускалась из Выборгского губернского казначейства через Финляндскую духовную консисторию. Со временем данный оклад не индексировался, и вследствие инфляции данные суммы уже к середине XIX в. были весьма незначительны, поэтому в 1871 г. одна из причетнических вакансий была упразднена, а полагающаяся штатная сумма разделена между причтом [ЛОГАВ.Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор). Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.].

Необходимо учитывать, что в Выборге было достаточно православного населения — в 1872 г. около 73 домов (более 500 человек мужчин и женщин), не считая военнослужащих. Таким образом, место священнослужителя там было настолько выгодно, что находились желающие получить его, даже с обязательством по отношению к вдове и детям скончавшегося предшественника. Так, священник Михаил Иоаннов-Каменский, неоднократно отмеченный епархиальным начальством за свое усердие в проповеди, при рукоположении обязался содержать на своем иждивении семью предшественника: «...матушку-вдову до смерти, а детей до их определения в казенные учебные заведения» [Там же. Л. 31].

В других местах материальное положение духовенства было более плачевным. Духовенству и церковным притчам сельских приходов денежное жалование не производилось, но на содержание их отводилось определённое количество пахотной и сенокосной земли. Кроме того, притчи пользовались сборами от прихожан, причём размеры и условия сборов устанавливались на мирских сходах в присутствии начальника губернии или уполномоченного от него или депутата со стороны православного духовенства. Эти условия представлялись на утверждение финляндского Сената. Было также принято постановление, что все надлежащие духовенству доходы, какого рода бы они ни были, должны быть платимы священнику или притчу той церкви, к которой принадлежит землевладелец и плательщик по вере, им исповедуемой. Этим указом православная церковная община в своих внутренних делах ставилась в полную зависимость от Сената, т. е. от лютеранского правительства, получившего возможность участвовать в разборе и решении дел, касающихся приходской православной церкви, давать делам нуж-

ное направление в соответствии со своими интересами. Соответственно, на долю православных, получивших право на отвод земель, после того как ими были наделены лютеранские приходы, оставались земли худшего качества и в меньшем количестве, что неблагоприятно отражалось на материальном положении сельского православного духовенства в княжестве.

Если учесть, что священник был вынужден самостоятельно обрабатывать землю и добывать себе пропитание, то времени и сил для пастырской работы оставалось немного. Разбросанность приходов в сельских приходах и длительные разъезды отнимали немало времени и препятствовали другим его занятиям по приходу: надзору за приходской школой, обучению Закону Божьему в ней. Сбор десятины для сельского духовенства, лежащий на самом притче, чрезвычайно был неудобен из-за разбросанности и бедности православного сельского населения, а также из-за неподобающей зависимости от паствы. Православное население состояло исключительно из крестьян, живущих земледельческим трудом, небольшого числа мелких торговцев, бобылей и работников. Все они, по вполне понятным причинам, весьма неохотно уделяли духовенству долю скудных своих урожаев. К тому же подобные сборы произведений сельского хозяйства вызывали постоянные недоразумения и препирательства. Несомненно, что положение сельских православных священников на приходах не позволяло им проводить свою работу на уровне, обеспечивающем процветание православия [3, с. 320].

Войска же, расположившиеся на территории Великого княжества, имели свои походные церкви и свое духовенство, независимые от финляндских законов. Военным священникам жалование выплачивалось по особому штатному расписанию. Так, священнику, состоящему при Гельсингфорсском военном госпитале, ежегодно выплачивалось 720 руб. 30 коп. ассигнациями [ПСЗРИ. 1836. Т. 10. С. 756].

В крепости Свеаборге Высочайшим указом был утвержден штат церкви Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, в соответствии с которым выплачивалось серебром: протоиерею — 223 руб. 50 коп. (782 руб. 25 коп. в ассигнациях); священнику — 205 руб. 80 коп. (720 руб. 30 коп.); дьякону — 128 руб. 70 коп. (450 руб. 45 коп.); причетнику — 57 руб. 15 коп. (200 руб.); просфирне — 28 руб. 65 коп. (100 руб. 27,5 коп.); сторожу из инвалидов — 2 руб. 25 коп. (7 руб. 87,5 коп.). Также выделялось: протоиерею на расходы как благотворительному — 14 руб. 25 коп. (49 руб. 87,5 коп.) и на церковные расходы — 42 руб. 75 коп. (149 руб. 62,5 коп.). Указом было также предписано: «1) денщики священникам и дьякону назначаются по положению, а квартиры

с отоплением и освещением отводятся всем в казенных зданиях на основании общих существующих постановлений; 2) причетники и сторожа получают от казны обмундирование по образцу военных соборов и провиант по положению» [ПСЗРИ. 1856. Т. 31. С. 621].

До середины 1850-х гг. охрана большинства церквей производилась воинскими командами, и только в 1859 г. это было отменено, поскольку приходская церковь «всегда имеет достаточно средств для найма из своих сумм сторожей, если в оных, по каким-либо причинам нуждается» [ЛОГАВ. Ф. 387 (Выборгское духовное правление). Оп. 1. Д. 38. Л. 59].

Однако православным солдатом не было запрещено охранять храмы по собственному усердию: «Если воинские команды, расположенные в г. Фридрихсгаме, — писал фридрихсгамский плац-майор священнику фридрихсгамской Петропавловской церкви, — по Вашей просьбе, добровольно пожелают предохранять храм и согласны будут ставить от себя часового в ночное время к церкви, в таком случае будет сей пост полагаться совершенно частным, в противном же случае он уничтожится» [Там же].

Со времен царствования императора Петра Великого вся жизнь русского человека прописывалась в метрических церковных книгах, которые еще иногда называли «троечастные», ибо они состояли из трех частей — «о рождении», «о браке» и «о смерти». Подобные уникальные книги хранятся в значительном количестве и в фонде «Русские военные дела» Национального архива Финляндии.

Поэтому, изучая вопросы истории русских гарнизонов Великого княжества Финляндского в рамках совместного проекта Академии наук Финляндии и Санкт-Петербургского государственного университета, я не мог не остановиться на столь ценном источнике, проливающим свет на весьма малоизученные вопросы личной жизни русских солдат — на ком они женились, кто рождался от этих браков, как, кто, в каком количестве и по каким причинам умирал.

Вместе с тем, изучение метрических книг позволяет рассмотреть еще один важный аспект взаимоотношений населения Финляндии и русских гарнизонов, а именно, выражаясь современным языком, так называемую гендерную проблему — насколько распространены были браки между русскими солдатами и местными финляндскими женщинами. Вопрос действительно очень серьезный, ибо проблема была двояка.

Во-первых, практически все население Финляндии относилось к лютеранской церкви. Это ясно видно из тех же метрических книг, где абсолютно все женщины — «финляндские уроженки», вступавшие в брак, — были лютеранского вероисповедания.

Однако, судя по особому манифесту от 20 марта 1812 г., практически сразу после присоединения Финляндии вопрос смешанных браков встал чрезвычайно остро. В нем говорилось, что «в силу данного жителям Финляндии обещания свободного вероисповедания... постановлено что дети, рожденные от брачной четы различного вероисповедания, должны быть воспитаны в той вере, к которой принадлежит отец, не допуская о сем особых договоров между брачными лицами, совершение же таковых браков должно быть по обрядам обеих церквей» [Сборник..., с. 114].

Это вступало в противоречие с традицией лютеранской церкви, считавшей, что согласие на брак с лицом лютеранского вероисповедания есть согласие на крещение и воспитание детей в лоне той же церкви. Сопротивление этому гражданской половиной в браке могло вызвать нежелательные для нее последствия. В то же время присоединение Финляндии к Российской империи абсолютно не означало появления на территории Великого княжества потенциальных православных русских «невест» или «жен», коих мы сейчас можем видеть в значительном количестве, отнюдь, пришла армия, состоявшая из мужчин, следовательно, речь шла о местных женщинах лютеранского вероисповедания. Насколько серьезны были опасения лютеранской церкви, мы сможем увидеть в метрических книгах.

И второй, не менее проблематичный аспект смешанных браков, — психологический. В течение предыдущих ста лет четырежды Швеция воевала с Россией на территории Финляндии, и трижды русская армия полностью оккупировала всю территорию. Последствия любой войны, любой оккупации — это, прежде всего, посттравматический синдром для мирного населения. В случае с Финляндией можно сказать, что нескольким поколениям подряд довелось перенести сильнейшие психологические травмы, проявлявшиеся позднее в разнообразии форм — от психических расстройств и нервных заболеваний, глубочайших депрессий и пьянства до непримиримой ненависти к русским. Формировалось то, что Юнг назвал «родовой памятью» или «коллективным бессознательным». Женщины не были исключением. Напротив, на их долю доставалось, возможно, даже больше всех. Ибо, не говоря об имевших место случаях физического насилия или принуждения в том или ином виде к вступлению в связь с завоевателями, на них обрушивалась ненависть соотечественников после ухода русских. Вне зависимости, были ли женщины изнасилованы или добровольно завязывали отношения с солдатами, а таких случаев тоже было немало, ибо Финляндия несла значительные потери среди мужского населения в шведских войнах, при этом русские

приходили, казалось, навсегда, тем не менее всех виновных и невиновных подвергали остракизму, называли «русскими шлюхами», запрещали посещать церковь. Таким же преследованиям подвергались и их дети [5, р. 568–571, 577].

Необходимо отметить, что лютеранская мораль и шведские законы, в отношении внебрачных связей, относили их к преступлению «прелюбодеяния», основывались исключительно на трактовках Ветхого Завета и карали очень сурово, вплоть до смертной казни. Позднее, после 1709 г.¹, а также смерти короля Карла XII, наказания были смягчены, но общественное мнение оставалось непреклонным, и женщин, вне зависимости от причин, по которым они имели отношения с русскими солдатами, ждала незавидная судьба.

Теперь же приход русской армии выглядел окончательным. Вступление в серьезные и законные отношения с конкретным русским солдатом означало как защиту от возможных посягательства других солдат, так и избавление от угроз соотечественников. Нельзя отрицать и возникновение нормальных человеческих чувств между женщинами и мужчинами, которым необходимо было продолжение в виде законных супружеских отношений и рождения детей.

Есть и еще один момент, на котором следовало остановиться. Мы все время воспринимали солдата времен Александра I и особенно Николая I, прозванного нашими классиками «Палкиным», как некую забитую серую скотинку. Стоило ли в таком случае женщине связывать судьбу с таким супругом? Поскольку солдат получал возможность проживать с семьей вне казармы, так как обеспечить жилыми помещениями от армии было весьма затруднительно, и Высочайшим повелением 1830 г. «платы от казны» на «вольнонаемные помещения» не полагалось, то многие полковые командиры разрешали жениться только при наличии у жениха и невесты средств к существованию. Я не имею конкретных данных по гарнизонам Финляндии, но в качестве примера приведу Волынский полк, квартировавший на другом берегу Финского залива в Ораниенбауме и его окрестностях. Вместе с просьбой о разрешении вступить в брак жених представлял и денежное обеспечение: унтер-офицер в размере 500 руб., а рядовой — 300 руб. ассигнациями. Напомню, что рядовой получал жалование от 30,83 руб. (младшего оклада) до 38,54 руб. (старшего оклада), унтер-офицер — до 70,66 руб. ассигнациями в год. Соответственно, или они, или их избранницы должны были обладать необходимыми сбережениями. Могли ли быть такие деньги у нижних чинов? Предполагаю, что могли. В фонде «Канцелярия генерал-губернатора»

¹ Т. е. после Полтавы.

Национального архива Финляндии хранится интересный документ, касающийся некой девицы Лены Софии Крюмблюм из Або (Турку), взявшей в долг под проценты деньги — 250 руб. у казачьего урядника Антонова и 100 руб. у казака Якима Можаева, оба из донского казачьего полка Денисова 6-го [Канцелярия генерал-губернатора. ККК (Kenraalikuvernöörin Kanslian asiakirjaat); Fa 162 № 85].

Вместе с тем, разнился доход семейных и холостых солдат. Семейным выдавались на руки следующие деньги:

- жалование с именных (последние составляли 3 руб. в год),
- амуничные (на пошив и содержание мундира),
- порционные (стоимость мясной и водочной порции),
- проценты с артельной суммы (деньги, получаемые на продовольствие роты, обычно отдавались в рост под проценты),
- за переноску мундирных вещей (т. е. бережное отношение к мундиру, что позволяло экономить казенные деньги, которые выдавались в таком случае на руки),
- различные пожалования,
- т. н. «зарабочие» деньги (за какие-то выполненные на стороне и с разрешения начальства работы, причем без вычетов на нужды полка).

Холостые же не получали порционные деньги, а также часть «зарабочих» отдавалась в полк, но зато им причиталась некая сумма от экономии продовольствия, шедшего в общий котел [6, с. 323–329, 354–355].

Чуть ниже мы еще раз остановимся на «николаевском» солдате. Рассмотрим теперь заключавшиеся браки. В северной части Финляндии до 1845 г. от Або (Турку) до Торнео действовала одна-единственная походная Петропавловская церковь 46-го егерского полка. К ней было приписано множество частей — сам 46-й егерский полк, 23-я артиллерийская бригада, 18-й флотский экипаж, отдельные сотни 19-го и 29-го Донских казачьих полков, жандармские и другие команды. В соответствии с метрическими книгами Торневской Петропавловской походной церкви за 1828–1836 гг. заключено 50 браков, от 6 до 8 в год, из них 48 — смешанных. Например, 7 мая 1834 г. было зафиксировано сразу 5 браков «финляндских уроженок лютеранского вероисповедания» с моряками 18-го флотского экипажа, размещавшегося в Або². Боцман Дмитрий Павлов сочетался с девицей Эттой Палвиерус, квартирмейстеры Сергей Беляев и Никита Морозов с девицами Марией Густавой Стюнгольм и Ульяной (?) Софией Ингельмус, а матросы Александр Львов и Родион Архипов с девицами Каролиной Альмрот и Кайсой Ловисой Экстрем.

² Петропавловская церковь была походной, т. е. священник выезжал по необходимости в разные гарнизоны. В 1845 г. в Або (Турку) был построен свой храм.

Если же рассматривать списки родившихся в эти годы младенцев, то в 40% случаев речь шла о семьях смешанного вероисповедания [VSA. № 11700].

В то же время из-за разнообразия и постоянной смены приписанных к Торневской церкви воинских команд очень сложно определить, какой приблизительно был общий процент семейных солдат и матросов, в том числе и смешанных браков. Поэтому обратимся к метрическим книгам Свеаборгской Александро-Невской крепостной церкви, где известна численность гарнизона. Рассмотрим два года — 1847-й, т. е. царствование Николая I, и 1863-й — царствование Александра II.

До 1854 г. церковь размещалась в «среднем этаже портового каменного флигеля, где в то время находились такелажные и парусные мастерские» [VSA. № 10254]³. В 1846 г. гарнизон крепости состоял из двух линейных батальонов, артиллерийской прислуги, ластовых экипажей⁴, иных различных команд, вплоть до арестантских рот. Общая численность не превышала 3000 человек, включая женщин и детей⁵.

За 1847 г. заключено 18 браков, из них половина смешанных, в том числе:

- рядовой 3-й военно-рабочей роты инженерного корпуса Стефан Зоробнов (45 лет) сочетался браком с девицей Анной-Гретой⁶ (32 года);
- лабораторный унтер-офицер 2-го класса арсенальной № 4 роты корпуса морской артиллерии Иван Климентьев (36 лет) с девицей Ловизой Каролиной Талккелот (22 года);
- батальонный горнист Финляндского линейного № 11 батальона Павел Горев (32 года) с девицей Анной Стиной Михельсдоттер (24 года, уроженка Тавастгустской губернии);
- унтер-офицер того же батальона Константин Антипов (32 года) с девицей Леной Ловизой Линдквист (21 год, уроженка Нюландской губернии, киршпиль Сиббо);
- рядовой 6-го ластового экипажа Константин Баусов (вдовец, 41 год) с девицей Фридрикой Вильгельминой Кюберг (23 года);

³ Строительство каменной церкви по проекту К. А. Тона началось в 1850 г. и завершено в 1854 г.

⁴ Для вспомогательных судов.

⁵ Всего на январь 1847 г. в Финляндии находилось: 9599 человек пехоты 22-й дивизии, 1327 человек в крепостях, 819 казаков и 624 человека в инженерных ротах [РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 400. «Войска финляндские». Численное состояние войск в Финляндии расположенных. Январь 1847. С. 4].

⁶ Фамилия не указана.

- рядовой Финляндского линейного № 11 батальона Василий Матвеев (38 лет) с девицей Гедвигой Адамовой (20 лет, уроженка Тавастгустской губернии, киршпиль Янакала, деревня Вескелей);

- рядовой 1-го класса Морской арсенальной роты № 4 Федор Рябчиков (33 года) с девицей Гестиной Вильгельминой Асандер (26 лет);

- чиновник 12-го класса, содержатель лесных хранилищ Афанасий Сергеев Рылков (вдовец, 56 лет) с девицей Вендлой Софией Андерсен (26 лет, уроженка Гельсингфорса, дочь умершего студента);

- бомбардир 6-й роты артиллерийского гарнизона Федот Семенов (30 лет) с девицей Екатериной Еленой Линд (30 лет) [I Са:6. С. 45–55].

Хотелось бы обратить внимание еще на два брака — один из них напоминовение о крепостном праве, другой — о возрасте. В апреле 1847 г. гарнизонный писарь Евгений Киреев (23 года) женился на Евдокии Кругляковой (20 лет) — вольноотпущенной помещика, лейтенанта флота Андрея Фокина, дочери умершего писаря управления Свеаборгского коменданта Владимира Круглякова, а в мае старший писарь Иван Федоров (23 года) обвенчался с шестнадцатилетней Анной Васильевой, дочерью отставного унтер-офицера [Ibid., p. 48–49].

За 1847 г. в крепости Свеаборг родилось 108 детей обоюбого пола, из них 45 — в смешанных браках. Примечательны сроки крещения новорожденных — от 1 до 5 дней [Ibid., p. 2–42].

Таким образом, мы можем предполагать, что число семей в гарнизоне Свеаборга составляло от 100 до 200, что в общем-то соответствовало среднему показателю по всей армии. Для сравнения: в 3-й гвардейской дивизии, располагавшейся в Петербурге и окрестностях, количество семейных нижних чинов в те же годы насчитывало от 210 (в Волынском полку) до 250 человек (в Литовском полку)⁷. В то же время мы можем говорить о том, что половина семей Свеаборгского гарнизона была смешанного вероисповедания. На севере Финляндии, вероятно, эти цифры даже несколько больше, что связано прежде всего с удаленностью от России и невозможностью выписать семью к себе или найти на месте православную невесту.

Рассмотрим вопрос смертности. В 1847 г. в крепости скончалось 188 человек, из них 32 ребенка обоих полов и 16 женщин [Ibid., p. 90–91].

Каковы причины? В сводной ведомости на первом месте стоит чахотка и сухотка — 62 солдата и матроса и 4 женщины. Не совсем понятно, отчего два столь разных заболевания сведены в одну графу.

⁷ Численность Л.-Гв. Волынского пехотного полка около 2683 человек (1847 г.), что соизмеримо с гарнизоном Свеаборга. Несмотря на то что это гвардия, условия размещения семейных нижних чинов весьма схожи с финляндскими [6, с. 352–354; Приложение II].

Чихотка — туберкулез, сухоткой называлось заболевание нервной системы с поражением спинного мозга и, как правило, связывалось с сифилисом. Попробуем разделить их. В месячных отчетах значится: умерших от чихотки — 47 мужчин и 3 женщины, от сухотки — 15 человек мужчин, 1 женщина и 1 годовалый ребенок.

Следующими по массовости (37 случаев) стоят «водяная брюшная болезнь» — асцит, в 75 % случаев связанный с циррозом печени (30 смертей), и «водяная грудная болезнь» — гидроторакс, т. е. нахождение жидкости в плевральной полости (7 случаев). В сводном отчете также объединены «воспаление легких, брюшины, горла и кишков» — 27 случаев. К массовым заболеваниям относится и «нервная горячка» — тиф — 22 случая. Имели место «апоплексические удары» (12 случаев), воспаление мозга, понос, лихорадка и др. Много это или мало? Сравним опять же с Волынским полком. В том же 1847 г. в Ораниенбауме умерло 61 человек, в 1848-м — 91 человек⁸. В итоге можно сделать предположение, что смертность в Свеаборге была значительно выше при одинаковых климатических условиях и сложностях с расквартированием. Причинами, возможно, служили худшее по сравнению с гвардией питание, а также размещение в холодных каменных казематах, скученность проживания.

Смерти от сухотки, связанной с сифилисом, и от водяной болезни — цирроза печени, безусловно, свидетельствуют о проблемах с нравственным состоянием войск. Это объясняется «застарелостью» заболеваний, полученных еще в 1820-е — 1830-е гг., и продолжительностью службы. Хотя в гвардии от сухотки, т. е. сифилиса, практически избавились, данные об этом заболевании по 1840-м гг. отсутствуют. В целом, из 100 солдат доживали до отставки 52, 24 умирали, и столько же списывалось по болезням [6, с. 382–386]. Но проблема иных венерических заболеваний по-прежнему оставалась. В «Военном вестнике» за 1884 г. опубликованы данные по подобным болезням в армии: на 1000 служивших в 1879 г. — 44,25 % заболевших, в 1882 г. — 37,8 % [7, с. 72–112].

Хотелось бы сделать одно замечание. Речь шла о «николаевском» забитом солдате, однако мне не удалось обнаружить ни одного случая смерти от побоев, хотя не исключаю, что записанные в метрических книгах диагнозы могут это и скрывать. По крайней мере, по данным Петропавловской походной церкви в Торнео в период с 1828 по 1836 г. зафиксирован лишь один случай суицида — повешения.

Отдельно рассмотрим вопрос детской смертности. Как уже упоминалось, в 1847 г. в крепости скончалось 32 ребенка, из них 24 в возраст

⁸ Причины смерти не указаны, но судя по приведенной статистике заболеваний на первом месте также стоят чихотка и различные простуды. См.: [6, Приложение VII].

те до одного года (19 — до месяца). Возможно, из-за столь высокой смертности — около 20% родившихся — так скоро осуществлялось и их крещение. Основные причины — воспаление легких, коклюш, желудочно-кишечные заболевания, оспа и общая слабость. Мне не удалось пока разыскать каких-либо медицинских документов, объясняющих высокую детскую смертность, но могу с уверенностью утверждать, что такая проблема существовала повсеместно. Например, в те же годы специально созданная медицинская комиссия гвардейского корпуса во главе со штаб-лекарем, действительным статским советником Нагумовичем изучала причины высокой детской смертности. В ее заключении говорилось следующее: «Дети нижних чинов не пользуются обыкновенными и вместе с тем необходимыми для здоровья условиями: хорошим воздухом, надлежащим уходом и здоровой пищей... Причина же смертности должна заключаться: в суровости климата, в роде жизни и нуждах матерей, которые, занимаясь различными промыслами для снискания себе и детям пропитания, большей частью не кормят их своей грудью, оставляют без нужного попечения, но главной и господствующей причиной должна почтаться теснота помещений и неизбежный при том спертый воздух, который имеет губительное влияние на слабость и нежность детского возраста» [6, с. 354–355].

Что изменилось в царствование Александра II? Обратимся к метрическим книгам церкви Александра Невского за 1863 г. Кстати, именно в этом году император посещал Свеаборг и лично инспектировал модернизацию и перевооружение крепости. Гарнизон состоял из 3215 человек, в том числе 416 женщин и детей [8, р. 113–115].

В 1863 г. было заключено 25 браков, из них 15 смешанных. Родилось 112 детей, из них 26 — от смешанных браков. Можно предположить, исходя из числа родившихся, что процентное соотношение стало меняться в сторону уменьшения численности семей, где жены являлись «финляндскими уроженками». Очевидно, это связано с возможностью более свободного перемещения для русских православных женщин, а также увеличением русского населения Финляндии, в частности Гельсингфорса⁹. Однако в браках, заключаемых непосредственно в крепости, финляндские женщины по-прежнему преобладали.

Что касается смертности, то налицо явное улучшение санитарного и медицинского состояния. Умерло всего 58 человек, т. е. практически в два раза меньше, нежели за 16 лет до этого. О причинах

⁹ В 1827 г. в Гельсингфорсе проживало 600 православных жителей, в 1854-м — 1500 человек.

смерти говорить сложно, ибо на этот раз священник, заполнявший метрическую книгу, чаще всего ограничивался формулировкой «от обыкновенной болезни». Что скрывалось под таким диагнозом, сказать очень сложно (I Са:15 С. 2–69).

В целом можно отметить, что тенденция связывать свою жизнь с русскими солдатами и матросами у финляндских женщин сохранялась на протяжении всего XIX в.

Интересны исповедальные росписи церквей. Особенно по казачьим частям, поскольку они не имели штатной единицы полкового священника. Если сравнить штатную численность полка, которую мы можем получить из ежемесячно издававшегося под грифом «секретно» «Росписания казачьих войск», с исповедальными списками, то предстает интересная картина по конфессиональному составу казачьих полков. До 1838 г. полки были пятисотенного состава, сотня состояла из 104 нижних чинов, позднее штат полка был увеличен до 6 сотен из 124 строевых казаков каждая.

По исповедным росписям упоминавшейся уже военно-походной Петропавловской церкви в г. Торнео с 1831 по 1866 г. стояло шесть донских полков и один уральский¹⁰. В донских полках около 30 % старообрядцев, в уральском — до половины.

По списочному составу:

- сотня 29-го Донского полка Карпова 4-го (1833–1837 гг.)¹¹ 76–80 человек — до 77 % православных казаков;
- сотня 3-го Уральского полка Акутина (1839–1841 гг.)¹² — 55 человек — до 52 %;
- сотня 51-го Донского полка Катасонова 2-го (1841–1845 гг.)¹³ — 78 человек — до 76 %;
- сотня 4-го Донского полка Буюрова¹⁴ (1846–1851 гг.)¹⁵ — 80 человек — до 66 %;
- сотня 28-го Донского полка Наследышева (1851–1856 гг.)¹⁶ — 79 человек — до 66 %;

¹⁰ Перечень полков взят из [9, р. 16].

¹¹ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего Карпова 4-го № 29 полка. 1833–1838. VSA. 11700.

¹² *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Уральского казачьего № 3 Акутина полка 1839–1841. VSA. 11700.

¹³ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 51 Катасонова 2-го полка. 1842–1845. VSA. 11700.

¹⁴ Полная численность полка — 819 человек См.: [7, р. 64].

¹⁵ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 4 Буюрова полка. 1846–1850. VSA. 11700.

¹⁶ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 28 полка. 1851–1856. VSA. 11700.

- сотня 63-го (13-й с 1858 г.) Донского полка (1852–1862 гг.)¹⁷ — 72 человек — до 60 %;

- сотня 16-го Донского полка (1862–1866 гг.)¹⁸ — 81 человек — до 68 %.

В дальнейшем число православных казаков приближалось к 100 %.

Источники

Архивные источники

Национальный архив Финляндии Kansallisarkisto.

Фонд «Канцелярия генерал-губернатора» ККК (Kenraalikuvernöörin Kansalian asiakirjaat).

FA 162 № 85. Касательно должных Абовской уроженкой Леною Софией Крюмблом казачьему уряднику Антонову денег. 17.9.1818.

Фонд «Русские военные дела» (VSA Venäläiset sotilasasiakirjat).

10254. Ведомость об Александро-Невской церкви.

11700. (1831–1859 гг.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11706. (1860–1863 гг.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11712. (1865 г.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

11714. (1866 г.) Исповедальная роспись Торневской Петропавловской церкви.

Фонды филиала Национального архива в Миккели (Mikkelin maakunta-arkisto).

I Са:6 (1846–1850 гг.). Метрическая книга Александро-Невской церкви.

I Са:15 (1863 г.). Метрическая книга Александро-Невской церкви.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ):

Ф. 19. Оп. 4. Д. 400. «Войска финляндские». Численное состояние войск в Финляндии расположенных. Январь 1847.

Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ).

Ф. 387. (Выборгское духовное правление). Оп. 1. Д. 38.

Ф. 393 (Спасо-Преображенский собор. Финляндское духовное правление). Оп. 1. Д. 3.

¹⁷ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 63 полка. 1857–1858. VSA. 11700; 1861–1862. VSA. 11706.

¹⁸ *Исповедная* роспись Торневской Петропавловской церкви, Войска Донского казачьего № 16 полка. 1862–1866. VSA. 11706 (1862–1863), 11712 (1865), 11714 (1866).

Опубликованные источники

Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб., 1836. Т. 10; 1856. Т. 31.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование Государя императора Николая I. Т. 1: 1825–1835. Пг., 1915.

Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих (Сборник...). СПб., 1906.

Литература

1. *Лялина М.А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX века. СПб., 1908.

2. *Яровой О.Я., Смирнова И.А.* Валаамский монастырь и православная Церковь в Финляндии 1880–1930-е гг. (Из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1977.

3. *Майков П.М.* Православная Церковь в Финляндии // Финляндия: ее прошедшее и настоящее. СПб., 1905. С. 301–360.

4. *Куркимиес И.Н.* Православные храмы в Финляндии // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. 5. СПб.: Лики России, 2001. С. 472–476.

5. *Vilkuna Kustaa H.J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavista. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005.

6. *Луганин А.* Опыт истории Лейб-Гвардии Волынского полка: В 2 ч. Ч. 1: 1817–1849. Варшава, 1884.

7. *Лоссовский (штабс-капитан).* Забава и дело в казарме // Военный сборник. Т. VII. СПб., 1884. С. 72–112.

8. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. SHS. Helsinki, 1997.

9. *Halen H.* Kasakat Suomessa. 1712–1924. Казаки в Финляндии. Unkolananaitta 18. Helsinki, 2004.